Я страдала три дня. Я не знала, что в итоге заболею.

За то время, пока я лежала, все мысли и разочарования, которыми была наполнена моя голова, были стерты. Как и ожидалось.

Тем не менее, я не была счастлива, потому что это время проходило так мучительно... Я буквально стояла на пороге смерти.

Воспоминания о прежней жизни уже очень слабые, но я помню, что много лет провела на больничной койке. Те времена были наполнены тревогой, замаскированной под покой, но я была готова обмануться. На первый взгляд, дни были достаточно спокойными, чтобы их можно было принять за мир.

С того дня, когда я впервые упала в обморок в шестнадцать лет, и до того дня, когда я, наконец, навсегда закрыла глаза в больничной палате в возрасте двадцати лет, единственным моим хобби было чтение книг или время от времени писательство. Несмотря на то, что это была такая скучная жизнь, я привыкла уверенно переносить боль.

Но в конце концов я поняла, какая это была глупая иллюзия. Боль - это то, что не может быть притуплено обучением.

Где же та я из моей прошлой жизни, которая терпела бесчисленные процедуры, подавляя стоны и гримасничая? Неужели она уже рассеялась далеко-далеко в моих воспоминаний?

Буквально три дня я находилась между жизнью и смертью, мое сознание бесконечно металось в жалком теле, выдыхая тяжелое дыхание, прося смерти.

Ужасная боль, от которой хотелось вот так все бросить, постоянно сотрясала меня. Пока мое тело скручивалось от обжигающего жара, ужасный холод пронизывал мои кости. Я дрожала, как свеча перед ветром.

Огромные объятия застывшие от холода обхватили меня, словно мое сердце могло остановиться в любой момент. Переступив черту, я отчаянно цеплялась за воспоминания о том моменте. В тепло мужчины, который казался лучом света в темноте.

Когда его руки обхватили меня, ощущение в тот момент было сравнимо со спасением. Казалось, он утешал меня. Я обязательно смогу жить, и что в этой жизни я никогда не должна легко сдаваться.

Однако, как бы я ни старалась удержать его, тепло продолжало уходить. Затуманенное сознание постоянно мерцало, угасая. Это было похоже на пребывание посреди жестокого поля боя. Сродни живому аду.

Как я могу так бороться? Внезапно я почувствовала покалывание в левой руке. Также была очень слабая температура тела.

Оба моих глаза, которые, казалось, никогда больше не увидят света, почувствовали слабый свет. Мои веки беспомощно задрожали от слез, выступивших на ресницах, которые касались друг друга.

— Мелисса!...

Моя мама, которая дремала, держа меня за руку, выглядела удивленной, как будто увидела

привидение. До этого момента я не знала, что руки моей матери стали такими грубыми.

— Мама...

Как будто я проглотила рыбью колючку, мой голос прозвучал невнятно. Мокрое полотенце на моем лбу стало теплым.

— О Боже, Мелисса! Боже!...

Мама обняла меня со слезами на глазах. Не имея сил в теле, я лишь беспомощно раскачивалась в объятиях.

Через плечо матери врач, который спал на стуле в углу, вскочил и подбежал ко мне. Миссис Керни, которая входила в комнату с тазиком, наполненным водой, тоже приостановилась.

— Лихорадка почти прошла.

— Спасибо, сэр. Благодарю вас...

Я услышала голос мамы, выражающий ее благодарность. Я закрыла глаза, ощущая на лбу новое полотенце. Это было довольно мягкое утро для зимы.

* * *

После того как жар спал и я буквально вернулась живой с перекрестка жизни и смерти, мама и миссис Керни по очереди навестили меня.

Обе дамы отчаянно выражали мне свою благодарность за то, что я боролась и преодолела болезнь, не сдаваясь, и бесконечно признавались, как сильно они меня любят.

В частности, моя мать излила ряд слов, при прослушивании которых у меня заложило уши, сказав, что брак - это еще не все. Она даже выслушала историю о том, что я начала писать роман, в чем я призналась, думая, что сейчас самое время, в отношении, близком к поощрению.

Похоже, что некая шоковая терапия сработала, но это была действительно странная ситуация. Я понятия не имела, как долго будет продолжаться эффект, но пока что он продолжает оставаться безопасным.

Сегодня, на третий день после прихода в сознание, я очнулась от сладкого сна после полудня. Мое тело было удивительно легким.

Наконец, я смогла осознать, что полностью оправилась от ужасной лихорадки. Это было то чувство, о котором я мечтала и на которое надеялся в прошлой жизни. Почему-то мне казалось, что я сейчас заплачу.

Первое, что я сделала, встав с кровати, - написала ответ. Это произошло потому, что я наконец-то открыла письмо Тоби, которое пришло, пока я лежала на кровати, страдая от высокой температуры.

Тобиас писал, что отправился в Нью-Дитч, чтобы встретиться со своей семьей. Он мило хныкал, что очень жаль, что я не могу его сопровождать.

В конверте, помимо дружеского письма, была фотография размером с ладонь, и я с первого

взгляда поняла, что озеро на картинке - это Озеро Нью-Дитч.

— Ничего себе…

Я слышала, что в Нью-Дитче обычно много снега, в отличие от Флорина, но картина озера в чистом белом снегу выглядела как мир из сказки. Поскольку эта картина производит сентиментальное и романтическое впечатление, втайне я была уверена, что озеро мне понравится, если я увижу его вживую.

Когда я написала письмо, уже почти наступило время ужина. Я достала свой старый блокнот в надежде что-нибудь записать. Прошло всего несколько дней, но меня не покидало странное ощущение, что это незнакомое место.

Чтобы проверить, как много я написала, я открыла последнюю часть и разразилась смехом.

http://tl.rulate.ru/book/66326/2448080